

УДК 327

ПРОБЛЕМА ОСВОЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ УГЛЕВОДОРОДНЫХ РЕСУРСОВ В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

А.И. Рубцова

Аннотация

Статья посвящена изменениям, произошедшим в политике и международных отношениях на Ближнем Востоке с открытием нового крупнейшего месторождения «Левиафан». Автор рассматривает возможности и перспективы заинтересованных в разработке стран, а также останавливается на возможных вызовах их безопасности. Объектами анализа оказались Израиль, Ливан, турецкая и греческая части Кипра, аспекты их внутренней и внешней политики, в первую очередь касающиеся вопроса о морских границах и энергетической сферы. Раскрывая перспективы и опасности складывающейся ситуации, автор делает вывод об основных интересах РФ в регионе и аспектах, которые следует учитывать при достижении поставленных целей.

Ключевые слова: газовое месторождение «Левиафан», политика на Ближнем Востоке, ливано-израильские отношения, морские границы, Кипр, энергетика.

Регион Восточного Средиземноморья до последнего времени был знаменит на весь мир вовсе не своими богатыми запасами углеводородных ресурсов, а скорее тем, что здесь более полувека пролегла передовая «линия фронта» арабо-израильского конфликта. Регион рассматривался в качестве одного из опаснейших очагов напряжённости, который имел свойство из латентного состояния периодически переходить в открытый вооруженный конфликт. Если по одну сторону неизменно находился Израиль, то по другую – сменяющие друг друга коалиции арабских государств. Последняя война закончилась с Ливаном в 2006 г., причём де-юре стороны до настоящего времени находятся в состоянии войны, поскольку никакого мирного договора по её окончании подписано не было. Кроме того, регион отмечен как центр повышенной активности многочисленных террористических групп, движений радикального ислама, антисионистски настроенных течений, на теракты которых израильская сторона время от времени отвечала зачистками, спецоперациями и акциями возмездия. Таким образом, рассмотрение региона с точки зрения его включенности в энергетическую карту мира не представляло значительного интереса для исследователя. Почти все страны являются импортёрами углеводородов и делают ставку в первую очередь на нефть. Газ же в их энергетике составляет относительно небольшую долю. Его основными поставщиками являются страны Средней Азии, Россия, Египет. Если же говорить об участии Ближнего Востока в целом в газовых поставках на европейский рынок, то его доля относительно стран

Африки или пространства СНГ довольно мала. Такое положение вещей и заставило руководство России сделать ставку на экспорт именно природного газа, поскольку страна оказалась в числе мировых лидеров по его добыче.

Так выглядела ситуация до настоящего времени. Однако с появлением представителей небольшой в мировых масштабах американской компании Noble Energy в водах исключительной экономической зоны Израиля с целью разведки углеводородных ресурсов положение вещей несколько изменилось. К открытым в территориальных водах на юге Израиля скромным по запасам месторождениям «Ноа» и «Мари-Б» (разведаны в 1999 и 2000 гг. соответственно) в 2009 г. прибавились довольно крупные «Тамар» и «Далит», а в 2010 г. появились сообщения о месторождении «Левиафан», размеры запасов природного газа в котором превзошли всякие ожидания, сделав его крупнейшим разведанным месторождением десятилетия. Под названием последнего была объединена и вся группа, в которую помимо вышеперечисленных месторождений включают морскую зону вокруг Кипра, греческий «Геродот», а также воды, на которые распространяются суверенные права Египта. «Общая оценка нефтяных запасов группы “Левиафан”, по данным американской геологической службы U.S. Geological Survey, составляет от 54 до 174 млрд баррелей. Средняя оценка с учётом уже подтверждённых запасов – 90 млрд баррелей. Для сравнения: крупнейшие мировые запасы принадлежат Саудовской Аравии – 250 и Венесуэле – 275 млрд баррелей, запасы России – 78 млрд баррелей» [1]. Газовая доля месторождений выглядит не менее внушительно: месторождение «Левиафан» вмещает порядка 450 млрд м³, что в два раза больше месторождения «Тамар». По суммарным оценкам всех газовых месторождений Израиль является обладателем 28 триллионов куб. футов газа, Кипр – 5–6 триллионов [2].

Энергетический фактор значительно меняет распределение сил в Восточном Средиземноморье, влияет на внешнеполитические ориентиры государств и роль региона в мировой политике. Учитывая его потенциальную нестабильность, наличие энергоресурсов может значительно усугубить ситуацию и вовлечь государства в региональную войну за ресурсы. Возможен и другой сценарий – ресурсы и общая экономическая заинтересованность могут стать ключом к долгожданному миру на Ближнем Востоке.

Очевидно также, что Россия не может оставаться в стороне от происходящего. Причиной тому служит её исключительная роль в газовом секторе, а также политические, экономические, стратегические интересы, которые связывают страну с Ближним Востоком. Исходя из вышеупомянутых соображений, целью данной статьи является анализ проблемы освоения трансграничных углеводородных ресурсов в Восточном Средиземноморье и, на основе полученных заключений, вывод о последствиях происходящих процессов для интересов Российской Федерации. Для достижения поставленной цели будет рассмотрено влияние нового фактора на каждого из основных акторов Восточного Средиземноморья, участвующих или планирующих своё участие в разработке вновь открытых шельфовых месторождений. На фоне полученной картины будут сделаны выводы об изменении интересов РФ в регионе с учётом новых реалий.

Последствия открытия новых месторождений для Израиля

Представляется логичным начать наш обзор именно с того, как открытие новых газовых месторождений повлияло на положение Израиля в регионе, поскольку именно это государство первым обратило внимание на разведку энергоресурсного потенциала на своём континентальном шельфе.

В течение последних шестидесяти лет Израиль так или иначе пытался проводить разведку энергоресурсов на своей территории, однако до последнего времени эти усилия не имели большого успеха. Такие месторождения, как, например, «Хелец», не могли удовлетворить потребности страны. Основную долю в энергетическом секторе занимал импорт. Причём до 2000 года (разведка месторождений «Мари-Б» и «Ноа») потребление газа в стране имело почти нулевое значение. Этот показатель вырос за последние 10 лет и составляет порядка 11% относительно других энергоресурсов. В настоящее время половина энергетического комплекса Израиля (49%) строится на импортной нефти, и около трети (35%) работает на угле [3]. Нефть Израиль в основном импортирует из Азербайджана и других стран СНГ по трубопроводу Баку – Тбилиси – Джейхан (Азербайджан – Грузия – Турция) и далее танкерами, или же танкерами из черноморских портов. В импорте газа государство также полагается на Россию и другие страны СНГ, а кроме того на Египет (до 40% доли израильского импорта). Последний после падения режима Хосни Мубарака оказался крайне ненадёжным партнёром. Периодические перебои поставок газа из Египта объяснялись задержками в оплате израильской стороной, нежеланием египетских властей продолжать поставки по старым ценам (Израиль покупал нефть Египта по ценам ниже рыночных) и, наконец, просто враждебным отношением нового режима к своему соседу. Сложившаяся ситуация заставляла Израиль вести переговоры об импорте газа через российский трубопровод «Голубой поток», выходящий по дну Чёрного моря на территорию Турции вплоть до Анкары.

Обнаруженные собственные запасы газа, конечно же, нарушили все строившиеся до сих пор планы. С открытием месторождения «Тамар» стало ясно, что Израиль сможет за счёт него удовлетворить собственные потребности в газе. «Левиафан» распахнул экспортные перспективы. Это решило бы многие экономические проблемы Израиля. В частности, освободило его от импортной зависимости от Египта и других стран; увеличило доходы, сняв тем самым то бремя, что несло все эти годы израильское правительство в виде расходов на оборону; укрепило экономические связи с Евросоюзом, который уже давно ищет пути диверсификации источников импортируемого газа; наконец, решило бы экологическую проблему. Строительство угольной станции в Ашкелоне станет неактуальным, весь транспорт и промышленность перейдут на газ – более экологичный по сравнению с нефтью и тем более углём вид топлива.

«Левиафан» таит в себе одновременно и значительную опасность. Проблема, как избежать сценария «Голландской болезни», выглядит наиболее безобидной относительно других. Правительство принимает срочные меры для того, чтобы защитить свои интересы в нефтегазовой сфере. Законодательство в этой области слабо проработано и крайне устарело. Для выработки принципов его совершенствования была создана так называемая комиссия Шешинского. Вторым существенным шагом стало учреждение комиссии во главе с Генеральным ди-

ректором Министерства энергетики и водных ресурсов Шаулем Цемахом, призванной определить стратегию необходимого баланса между потребляемыми ресурсами, резервами и экспортной долей.

Проблема разработки месторождений осложняется ещё и тем, что Израиль находится в окружении достаточно враждебно настроенных к нему государств. Тем более это опасно потому, что морские границы с ними не определены. До появления «Левиафана» никто об этом не задумывался, да и практической значимости раздел морских границ не представлял. В новых же условиях проблема границ стала крайне острой. И «Тамар», и «Далит», и «Левиафан» удалены от берега и находятся в исключительной экономической зоне Израиля. Израиль лишь недавно определил границы своей экономической зоны и в 2010 г. подписал договор с Кипром. Однако ни Турция, ни Турецкая Республика Северного Кипра, ни Ливан эти границы не признают. В сложившейся ситуации начать добычу газа в спорном регионе означает спровоцировать принятие ответных мер правительствами этих государств и вероятное вовлечение в конфликт таких организаций, как «Хезболла». Несмотря на всю мощь израильских вооруженных сил, обеспечить безопасность добычи газа они не в состоянии. Любая военная операция вблизи трубопроводов, буровых установок и прочих объектов будет чревата последствиями как минимум регионального масштаба.

Даже если предположить, что вопрос границ и разработки месторождений удастся урегулировать мирно, Израилю придётся столкнуться с ещё одним непростым вопросом, а именно, каким образом экспортировать газ на рынки. Здесь возможны несколько вариантов, каждый из которых имеет свои недостатки.

Первый вариант – строительство завода по сжижению природного газа (СПГ) на территории самого Израиля. Такое развитие событий вызовет крайне негативную реакцию израильского общества и экологических объединений. Кроме того, учитывая сложившуюся политическую ситуацию в Египте, встанет проблема транспортировки газа через Суэцкий канал. По этой же политической причине невозможно использование мощностей египетских заводов.

Второй вариант – строительство плавучей станции по СПГ в водах Израиля. Проекты таких станций существуют, однако на практике они не проходили испытаний, да и строительство обойдётся дорого.

Третий вариант – строительство такого завода на Кипре. Однако в этом случае, израильский импорт окажется полностью под контролем иностранного государства.

Если отказаться от идеи СПГ, то возможна прокладка газопроводов по дну моря на Кипр и оттуда в Турцию. Данный проект имеет мало шансов на реализацию, поскольку Турция и Кипр находятся между собой в сложных взаимоотношениях.

Наконец, можно было бы соединить месторождения с Арабским газопроводом, проходящим через Иорданию, но вновь этому препятствует неясная ситуация в Египте.

Оказывается, что для Израиля новые месторождения газа не означают безоблачного будущего, а ставят страну в сложную ситуацию, где крайне непросто найти компромисс со всеми заинтересованными сторонами, обеспечить собственную безопасность и не спровоцировать очередной конфликт. Другие

акторы также, несомненно, отстаивают свои собственные интересы и претендуют на права в разработке месторождений. Наиболее труднодостижимой представляется договорённость с соседним Ливаном.

Участие Ливана в освоении новых газовых месторождений

Ливан не имеет нефтегазовых месторождений и зависит от импорта углеводородов из Египта по Арабскому газопроводу, тому же самому, что проходит по территории Израиля и Сирии. Подтверждение претензий на «Левиафан» для этой страны трудно переоценить. Однако Ливану сложно будет отстаивать свои интересы правовыми методами, поскольку договор о морских границах был подписан с Кипром в 2007 г., но не ратифицирован из-за негативной реакции на него турецкой стороны. В то же время подписание договора о морских границах между Кипром и Израилем и его ратификация в 2010 г. вызвали волну негодования в самом Ливане.

Как следует из нератифицированного соглашения о границах Ливана и Кипра, «Левиафан» находится южнее линии проходящей от самой южной точки разграничения и, таким образом, должен был бы полностью принадлежать Израилю. Однако теперь, учитывая то, что соглашение не было окончательно принято и морская граница Кипра и Израиля проведена в обход интересов ливанской стороны, Бейрут претендует на часть «Левиафана». С целью оправдания своих притязаний перед лицом мирового сообщества Ливан обратился в ООН с просьбой разобраться в ситуации, однако претензии удовлетворены не были по той причине, что мандат ооновской миссии в Ливане не распространяется на защиту его морских границ.

Как указано выше, правовыми методами отстаивать свои претензии Ливану будет крайне сложно, однако существуют и силовые меры, в богатом опыте применения которых нельзя отказать ливанской организации радикального ислама «Хезболла». Свои методы она уже не раз испытала при оспаривании сухопутных границ с Израилем – район ферм Шебаа и прочие. В то же время политический «накал страстей» увеличивается тесными связями Ливана с Сирией и Ираном. Напомним, что в сирийском городе Тартус находится единственная в Средиземном море и в дальнем зарубежье российская морская база материально-технического обеспечения, которая в 2010–2012 гг. должна быть переоборудована в полноценную военную базу. Планировалось также размещение подобных баз в ливийском Триполи и городе Сокотра в Йемене. Исходя из событий последнего времени, реализация планов, похоже, оказывается под большим вопросом.

Связь Ливана и Сирии упомянута неслучайно. Ряд авторов, как российских, так и зарубежных, сходятся во мнении, что «Левиафан» является основной причиной происходящих в настоящий момент в Сирии волнений [4]. Принимая во внимание трубопроводы, проходящие через Сирию и транспортирующие в Европу значительную часть энергоресурсов Саудовской Аравии и Ирака, Сирия становится ключевым игроком, контролирующим большую часть потока ближневосточной нефти. Ливан также не может быть исключён в качестве актора из логики происходящих событий.

Роль кипрского вопроса в разработке новых месторождений

Другим важным игроком в разделе ресурсов Восточного Средиземноморья является Кипр. Он, подобно Израилю, оказывается потенциальным обладателем значительных объёмов природного газа. До настоящего времени страна, также как и её соседи, вынуждена была полагаться на импорт. Сегодня же, благодаря месторождению «Афродита», расположенному недалеко от обозначенных морских границ с Израилем, он может рассчитывать на обладание 7 триллионами кубических футов газа. По сравнению с другими кипрская позиция выглядит наиболее выгодной, поскольку он уже подписал соглашения о морских границах с Египтом, Израилем и Ливаном, обезопасив тем самым свои права на месторождение. Впрочем, как уже было сказано, подписание этих договоров вызвало возмущение со стороны Ливана и документ остаётся нератифицированным. Следующим сложным моментом стали вновь напомнившие о себе противоречия с Турецкой Республикой Северного Кипра (ТРСК). Ни Турция, ни ТРСК не признают согласованные Кипром и его партнёрами границы. ТРСК объявила свои претензии на «Афродиту», так как, по её мнению, месторождение расположено в водах, где она обладает суверенными правами.

Таким образом, уже сейчас складывается определённая картина восточно-средиземноморских альянсов. По одну сторону Израиль и Кипр, заинтересованные в том, чтобы как можно скорее уладить проблемы во взаимоотношениях с соседями и приступить к разработке газа. По другую – ТРСК и Турция, не признающие никаких договорённостей. Египет пока играет роль стороннего наблюдателя, а позиция блока Ливан – Сирия не может быть интерпретирована однозначно. Ливан определённо не собирается идти на уступки Израилю, но и к турецкому лагерю вряд ли примкнёт. Турция хотела бы участвовать в разделе средиземноморского газа, где могла бы выступить с Ливаном единым фронтом, но их интересы не совпадают по отношению к событиям, происходящим в Сирии. Для Турции усиление Сирии как ключевого транзитёра ближневосточной нефти невыгодно.

Решающим оказывается вопрос, какую позицию в этой противоречивой ситуации займут мировые державы. В частности, какие выгоды или, наоборот, проблемы повлечёт за собой открытие новых газовых месторождений для российской стороны. На основе проведённого анализа ситуации постараемся сделать выводы применительно к интересам России.

Интересы России в Восточном Средиземноморье

В России, как представляется, открытие «Левиафана» не могло вызвать радостной эйфории. Страна делала ставку на природный газ в структуре своего экспорта, главным образом в Европу. Появление на карте «Левиафана» означает снижение цен на сырьё, достижение в перспективе европейскими странами задачи газовой диверсификации, крах планов поставок голубого топлива в ближневосточные страны, в частности экспорт газа через «Голубой поток» в Израиль.

Получается, что России выгодно сохранение определённого уровня напряжённости вокруг средиземноморских запасов. В то же время ей не хочется оставаться в стороне и, руководствуясь исключительно экономическими мотивами,

российские газовые компании стремятся получить права на участие в разработке месторождений. Ведутся переговоры по вовлечению «Газпрома» в разработку «Тамара», а также по участию компании «Новатэк», второй крупной газовой компании России, в работах на кипрском месторождении «Афродита».

Россия готова помочь поставками газа Сирии, энергетика которой значительно пострадала от проходящих там боевых действий. Кроме экономических, РФ и Сирию связывают стратегические интересы, что объясняет защиту сирийских интересов Россией перед лицом мирового сообщества.

Наконец, партнёрские отношения связывают Москву и с Анкарой. Турция, разочаровавшаяся в перспективах «Набукко» и членстве в Евросоюзе, в последние годы стала налаживать связи с восточным партнёром. Значительное число совместных проектов и стратегических инициатив связывают два государства.

Подводя итоги, следует сделать вывод о том, что разработка углеводородных месторождений на шельфе Восточного Средиземноморья обещает значительные экономические выгоды государствам, вовлечённым в данные проекты. Вместе с тем перспектива их освоения не столь безоблачна и возможна только в случае, если процессы взаимной кооперации будут превалировать над конфронтационными. Пока что пример Сирии заставляет нас говорить об обратном. Участники стремятся разрешить проблему в одностороннем порядке, не желая рассматривать компромиссные решения. Инициативы Кипра и Израиля являются рациональными, однако только их усилий недостаточно.

Для российской же стороны целью политики на Ближнем Востоке остаётся достижение экономической выгоды при сохранении своих политических и стратегических позиций. Перефразируя известную арабскую поговорку, хочется заключить так: ни один выстрел не прогремит на Ближнем Востоке, если в деле не замешана хоть капля чёрного золота (в данном случае газа).

Summary

A.I. Rubtsova. The Problem of Development of Transboundary Hydrocarbon Resources in the Eastern Mediterranean, and the Interests of Russia.

The article is devoted to the changes occurred in politics and international relations in the Middle East due to the discovery of a new large gasfield “Leviathan”. The author analyzes opportunities and perspectives for the countries interested in its development, and also points out possible challenges to their security. The analysis focuses on Israel, Lebanon, the Turkish and Greek parts of Cyprus, the aspects of their domestic and foreign policies, especially the issue of their maritime boundaries and energy sector. The author reveals prospects and dangers of the current situation and sums up the main interests of the Russian Federation in the region and the aspects that are to be considered when reaching the set goals.

Keywords: gasfield “Leviathan”, policy in the Middle East, Lebanese-Israeli relations, maritime boundaries, Cyprus, energy.

Литература

1. *Шведова О.* Борьба за «Левиафан» // Белорус. воен. газ. – 2012. – Вып. 160. – URL: <http://vsr.mil.by/2012/08/29/borba-za-leviafan/>, свободный.
2. *Henderson S.* Energy Discoveries in the Eastern Mediterranean: Source for Cooperation or Fuel for Tension? The Case of Israel // GMF Policy Brief. – URL: <http://>

www.washingtoninstitute.org/uploads/Documents/pubs/Henderson_EnergyDiscoveries_20120615.pdf, свободный.

3. 2009 Energy Balance for Israel // International Energy Agency. – URL: http://www.iea.org/stats/balancetable.asp?COUNTRY_CODE=IL, свободный.
4. *Имад Фавзи Шуйеби*. Сирия – центр газовой войны на Ближнем Востоке. – URL: <http://www.voltairenet.org/article174109.html>, свободный.

Поступила в редакцию
11.05.12

Рубцова Александра Ивановна – аспирант факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: alexa_rubtsova@mail.ru